

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ – ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Кудашикина Н.А.

DOI: 10.7256/2222-1972.2015.1.15653

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Художественный образ Севастополя в период Крымской кампании (1853–1856) и его роль в историческом развитии города (по произведениям Л. Н. Толстого и М. М. Филиппова)

Аннотация: В статье посредством анализа художественной литературы оцениваются события Крымской войны (1853–1856) и на их фоне воссоздается художественный образ Севастополя. На примере произведений Л. Н. Толстого «Севастопольские рассказы» и М. М. Филиппова «Осажденный Севастополь» выявляется смысловое наполнение художественного образа, его структура и основные функции. Также обозначены ключевые историографические позиции по вопросу использования художественной литературы в качестве исторического источника. Приведены тематические примеры из работ историков, работавших с художественной литературой как историческим источником, – М. В. Нечкиной, С. О. Шмидта, Л. Н. Гумилёва, Г. Р. Наумовой. Для отображения неразрывной связи прошлого и настоящего применяется сравнительно-исторический метод, который позволяет определить роль образа и установить связь эпох. В связи с этим художественный образ рассматривается как проводник нравственных проблем, глубоких эмоций и своего рода «проявитель» исторического действия человека. Созданный классиками художественный образ города анализируется как источник исторических представлений о событиях, явлениях, людях. В статье показано, как героические персонажи из названных литературных произведений воздействуют на формирование социокультурного пространства Севастополя.

Ключевые слова: Севастополь, Крым, война, литература, образ, функция, культура, источник, наследие, социум.

Review: The article examines the events relating to the Crimean war (1853–1856) through an analysis of fictional literature from which the artistic image of Sevastopol of that time is reconstituted. On the example of the works of L. N. Tolstoy “Sevastopol sketches” and M. M. Filippov “Besieged Sevastopol” the semantic content, structure, and basic functions of the artistic image are revealed. The key historiographical stances on the question of using literature as a historical source are also addressed. The author provides case examples of works by history scholars using literature as a historical source: M. V. Nechkina, S. O. Schmidt, L. N. Gumilev, G. R. Naumova. The comparative historical method is applied to demonstrate the inseparable connection between the past and the present, which also allowed to determine the image’s role and to establish a link between epochs. In this regard the artistic image is viewed as a conductor of moral issues, profound emotions, and a kind of “developer” of human activity in history. The artistic image of the city created by the classic authors is analysed as a source for historical perceptions of events, phenomena, and people. The article demonstrates how the heroic characters from the named literary works impacted the formation of the socio-cultural space of Sevastopol.

Key words: heritage, source, culture, function, image, literature, war, Crimea, Sevastopol, society.

История Севастополя со времен его основания до избытка наполнена знаковыми событиями, которые в разные времена предопределяли

развитие города. Одним из таких событий стала Крымская война (1853–1856), главный удар которой пришелся на Севастополь. Жители города ровно 349 дней держали оборону от объеди-

ненных войск Турции, Великобритании и Франции. Этот подвиг севастопольцев в дальнейшем назовут «русской Троей».

Историк Е. В. Тарле так отмечает геополитическое значение города: «Севастополь – русская твердыня на Черном море. Извилистые, теплые бухты протяженностью около восьми километров создали естественные условия для возведения здесь русского флота. Недаром военный министр Великобритании Ньюкэстл не переставал указывать на то, что взятие Севастополя с последующим уничтожением русского флота было бы самым сильным ударом, который можно было бы нанести южной окраине России» [12, 7].

Прав был Л. Н. Толстой, который, оценивая события тех лет, сказал: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский» [15].

В действительности события Крымской войны трагически отразились на судьбах нескольких поколений. Можно сказать, что они стали своеобразным рубежом, где сомкнулись Крым и Россия – соединились в смысле духовном и культурном. Теперь же на месте бывших сражений стоят обелиски – немые свидетели исторической памяти [11]. Здесь неотъемлемой частью общего исторического процесса стало формирование культуры, открывающей себя людям через литературное творчество, через художественный образ. Создателями этого образа Севастополя были Л. Н. Толстой, М. М. Филиппов, К. М. Станюкович, К. Г. Паустовский, А. И. Куприн. Некоторые из русских классиков были непосредственными участниками Крымской кампании и свидетелями ближайшего послевоенного времени, поэтому созданные ими образы по-особенному связаны с историческим нервом.

Переписывание на новый манер истории в период украинской государственности полуострова приобрело характер необратимого явления. Размытые культурно-исторические границы, отсутствие ориентиров образовывали вакуум, в котором русская культура становилась иностранной. Своеобразным откликом на происходящее стало создание научно-популярного альманаха «Крым» [1], в котором были объединены усилия крымских, российских, украинских, международных исследователей разного профиля, стремящихся на основе исторического опыта прошлых поколений правильно расставить векторы дальнейшего культурно-исторического развития полуострова.

Также с целью приостановить процесс забвения истоков на базе Черноморского филиала МГУ был реализован проект, отразившийся в серии монографий «Крым в русской литературе» [4]. Его автор, Г. Н. Кунцевская, на примере судеб писателей рассказывает о том, какое место в личной судьбе и творчестве классиков занимали Крым и Севастополь. Исследовательская миссия этой работы состояла в желании показать истинную связь полуострова с русской культурой.

Теперь, когда Крым и Севастополь стали субъектами Российской Федерации, потребность доказывать эту связь отпала. Вместо этого появилась потребность в фундаментальном возрождении и осмыслении уже созданного литературного наследия, имеющего глубокое историческое значение. В подтверждение тому служит указ президента РФ от 12 июня 2014 г. № 426, согласно которому текущий 2015 год объявлен Годом литературы. В рамках проекта проводятся масштабные мероприятия, среди них: международный писательский форум «Литературная Евразия», проект «Литературная карта России», «Библионочь-2015».

Поэтому тема художественного образа Севастополя и его роли в историческом развитии города представляется актуальной и своевременной. Очевидно, что она находится на стыке двух гуманитарных наук – литературоведения и истории. Предметом исследования является именно исторический художественный образ города.

Вопрос о праве историка использовать художественную литературу в качестве исторического источника долго обходили молчанием. Как отмечает М. В. Нечкина, позиция источниковедения в отношении художественной литературы долгое время была неоднозначной [8].

Сегодня тема художественной литературы как исторического источника имеет серьезную платформу и историографическую традицию. Среди основных работ по теме исследования стоит особо отметить труд С. О. Шмидта «Памятники письменности в культуре познания истории России» [19], сборник работ М. В. Нечкиной «Функция художественного образа в историческом процессе» [9]. Полезными представляются также статьи Л. Н. Гумилева «Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником?» [2, 73–82], Н. О. Дубовой «Художественная литература как источник для изучения социальной психологии» [3, 112–117], Е. И. Филипповой «Художественная лите-

ратура как источник для этнографического изучения города» [18, 26–36].

С. О. Шмидт, говоря об источниковедческих «возможностях» художественной литературы, обращается к истории ментальностей, рассматривая художественное произведение как «источник представлений» у массового читателя, как материал для понимания менталитета времени их появления и дальнейшего бытования. Историк и писатель, по мнению ученого, воспринимаются «массовым» читателем в одном ключе. Задача обоих – показать, что было на самом деле, и так показать, чтобы поверили. Различны только методы. Хотя, подчеркивает автор, многие маститые историки для написания своих трудов ориентировались на восприятие широкой публики, поэтому нередко прибегали к изложению исторического материала художественным, публицистическим стилем без применения научного аппарата. В качестве примера можно привести «Курс русской истории» В. О. Ключевского, лекции С. М. Соловьева «Публичные чтения о Петре Великом».

В советское время широко применялась практика публикаций исторического контента в журналах и газетах. Не пренебрегали этим и видные академики: М. В. Нечкина, С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле. На грани научной и художественной литературы находятся книги биографического жанра из серии ЖЗЛ. Материал о государственных деятелях здесь публиковали С. Л. Утченко, В. Г. Трухановский, Е. В. Тарле.

М. В. Нечкина подходила к раскрытию художественного образа и его функции с точки зрения мотивации историка: «...более всего историка интересуют читатели, зрители, слушатели, широкая воспринимающая искусство общественная среда – вот она, реальная функция образа. Без читателей образ не функционирует. <...> Писатель управляет воскрешением бесконечной жизненной множественности, воссоздаваемой литературой. Бездарный писатель (как и бездарный историк) ничего не воскрешает» [9].

Л. Н. Гумилев в своей статье «Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником?» сам отвечает на этот вопрос так: «...каждое великое и даже самое малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи» [2].

Говоря о допустимых «пределах» использования художественной литературы в качестве

исторического источника, Н. О. Дубова выделяет несколько критериев: если автор произведения является непосредственным свидетелем описываемых событий, если он располагает такими сведениями о персонаже, которые подтверждаются источниками другого рода. Перечень можно еще продолжить [3].

Несмотря на огромное множество «условий» пользования художественной литературой в историческом исследовании, неизбежным остается лишь то, что она является культурным наследием, а использование и переработка этого наследия прошлых эпох – главное условие развития истории. Именно непрерывность передачи опыта и знаний от одного поколения к другому, по мнению Г. Р. Наумовой, есть основа этого процесса, именно он и важен для истории [7, 129–136].

Поэтому опыт предшественников, исследовавших художественный образ и его функции в историческом процессе, должен стоять во главе исследования. А применительно к Севастополю и его культуре обозначать цель и круг вопросов, необходимых для освещения.

Итак, что же такое художественный образ и какой он у Севастополя в изучаемый исторический период? Из чего он складывается? Какую смысловую нагрузку несет в себе? Какую функцию выполняет? Имеет ли силу художественный образ Севастополя сегодня? Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся частично вживить художественную ткань в исследование, используя при этом сравнительно-исторический метод. Так, признание неразрывной связи прошлого и настоящего, их общности и различия откроет возможность познания современной реальности, поможет достоверно передать сам образ, определить его роль и установить связь эпох, позволит на время раздвинуть научные рамки и пережить эмоциональный поток, переданный нам как наследие.

Центральной фигурой художественного образа выступает человек или группа людей, которые являются непосредственным отражением своего времени и социальной среды. Они встроены в определенные условия жизни, быта, в государственную систему, где на деле проявляют себя. Здесь непременно присутствуют контрасты добра и зла – индивидуальные черты персонажа, задуманные автором. Есть те, кто имеет истинные идеалы, и те, кто предпочитает жить согласно собственным, «теневым» ценностям установкам, идущим вразрез с обществом.

Таким образом, исследователю дается шанс нащупать нечто глубокое – духовный вектор, сложенный, как мозаика, из человеческих судеб. Этот вектор направляет культурно-историческое развитие нации в широком смысле этого слова – развитие, вписанное в данном случае в рамки города, в конкретную историческую эпоху.

Поэтому художественный образ Севастополя – это отражение жизни. Жизни как явления. Писатель выделяет признаки, черты этого явления, которые могут быть скупыми или жизненно богатыми. Они, в свою очередь, раскрывают контексты мировоззрения эпохи, ее философии, осмысления происходящего вокруг и являются бесценным материалом для воссоздания исторического силуэта – ключом от тайны, переданной самим писателем.

Художественный образ, воображаемый читателем, у каждого свой. По причине самых разных факторов – жизненного опыта, возраста, степени культурного развития, близости к эпохе автора, социального положения. Очевидно одно – что приобретать этот опыт возможно только при постоянном чтении и осмыслении литературного, исторического наследия.

Художественный образ Севастополя и его функция в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого

Непосредственным участником Крымской войны был двадцатичетырехлетний писатель Л. Н. Толстой. Движимый патриотическим чувством, он прибыл защищать Севастополь, где проходил службу на четвертом бастионе. Здесь же он написал свою трилогию «Севастопольские рассказы». Начинает этот сборник рассказ «Севастополь в декабре месяце».

Автор не медлит, а мгновенно погружает читателя в водоворот образов и событий. Он постоянно ведет диалог с читателем, обращаясь к нему: вы смотрите, вы чувствуете, вы слышите. Подобного рода письменная беседа просто исключает появление посторонней, мимоленной мысли. Читатель действительно начинает не только видеть, слышать и чувствовать, он начинает всем нутром своим ощущать прямую, личную ответственность. Смотри на декабрьский Севастополь глазами Л. Н. Толстого, читатель видит «полосатые громады кораблей, рассыпанных по бухте, черные небольшие точки шлюпок, движущихся по блестящей лазури», он

«мысленно изучает красивые светлые строения города». Автор убежден, что только при одной мысли, что вы в Севастополе, должны проникнуть в душу «чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь стала быстрее обращаться в ваших жилах» [15].

Но это чувство посетит вас не сразу. Более того, оказавшись на Графской пристани, вы будете награждены впечатлением отнюдь не из приятных. Здесь царит шум: «шевелиются толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин. Бабы продают булки, русские мужики с самоварами кричат: сбить горячий, и тут же на первых ступенях валяются заржавевшие ядра, бомбы, картечи и чугунные пушки разных калибров» [15].

На первый взгляд может показаться, что за этой суетой скрывается страх, но это не так. Резюмируя впечатления от странного смешения лагерной и городской жизни, красивого города и грязного бивуака, писатель словно предвещает нас от поверхностных наблюдений.

Внезапно читатель обнаруживает, что автор уже «запустил» ту самую функцию образа, уже начал раскрывать ту бесконечную жизненную множественность, о которой говорит М. В. Нечкина.

Нет, Лев Николаевич не оставляет главного в сфере невысказанного, он говорит, указывает, призывает к наблюдению: «...вглядитесь ближе в лица этих людей, движущихся вокруг вас, и вы поймете совсем другое. Посмотрите хоть на этого фурашского солдатика, который ведет поить какую-то гнедую тройку и так спокойно мурлыкает себе что-то под нос. Он исполняет свое дело, какое бы оно ни было – поить лошадей или таскать орудия. То же выражение читаете вы и на лице этого офицера, который в безукоризненно белых перчатках проходит мимо, и в лице матроса, который курит, сидя на баррикаде, и в лице рабочих солдат» [15].

Вглядываясь в лица, Л. Н. Толстой выявляет эту энергию, неприметную для других. Прав был П. Флоренский, когда утверждал, что лицо человеческое есть само предмет истории [10, 195–196]. Нет, в этих лицах автор не видит следов суетливости, растерянности или даже энтузиазма, готовности к смерти, решимости – ничего этого нет. Он видит будничных людей, спокойно занятых будничным делом. И вот, когда читатель уже собрался было засомневаться в героизме защитников Севастополя, писатель словно толкает его «за кулисы» – на бастионы. Здесь, говорит

Лев Николаевич, вы «увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; одним словом, увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, а увидите войну в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти» [15].

Прикоснувшись к этой силе смерти, невозможно не понять защитников Севастополя. Когда образ, созданный автором, раскрывается в полной мере, читающему становится почему-то совестно за самого себя перед этими людьми, жившими в то время. Единственное, что он подсознательно чувствует, – народную твердость духа. Эта русская сила простоты и упрямства, по словам автора, отображена здесь на каждом лице, в движении спокойном, твердом, неторопливом.

В одном убежден Лев Николаевич – что Севастополь взять невозможно, и не «только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа» [15]. И этому есть причина: «...эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине» [15].

Толстой описывал жизнь подлинных героев обороны Севастополя. Он наблюдал за ними в минуты опасности, изучал психологию солдат и офицеров на поле боя. Подвиги, небывалая храбрость и твердость духа глубоко поражали автора. Поэтому писатель изобразил войну так, как этого никто никогда не делал. В произведении нет ни слова о царях, военачальниках и полководцах, главное в нем – это духовное величие и стойкость русского человека [4].

Неслучайно рассказ «Севастополь в декабре месяце», опубликованный в журнале «Современник» в июне 1855 года, имел необычайный успех и принес молодому писателю настоящую литературную славу. Рассказы «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе», которые по праву можно назвать историческими хрониками, продолжают эту знаковую трилогию.

Интересными и информативными представляются «Севастопольские рассказы» и с точки зрения отображения в них топонимических особенностей, первоначальных названий улиц и площадей. Так, читатель узнает, что Екатерининская улица – это современная улица Ленина, а Екатерининская площадь – ныне площадь Нахимова. Что на сегодняшнем Приморском бульваре некогда располагалась трехъярусная Николаевская батарея.

27 августа 1855 года – день отражения последнего штурма Севастополя, где Лев Николаевич командовал пятью батареями орудиями. Вечером следующего дня был получен приказ об оставлении города. Толстой был непосредственным свидетелем этого события, в этот день ему исполнилось 27 лет: «...28-е, день моего рождения, второй раз было для меня памятным и печальным днем. Я плакал, когда увидел город, объятый пламенем, и французские знамена на наших бастионах <...> все было мертво, дико, ужасно – но не тихо: все еще разрушалось» [13].

За оборону Севастополя Л. Н. Толстой был награжден орденом Святой Анны 4-й степени, серебряной медалью «За защиту Севастополя» и бронзовой – «В память войны 1853–1856».

Всего за свою долгую жизнь писатель трижды бывал в Севастополе. Первый раз – в 1854–1855 годах, будучи участником Крымской войны. Второй раз – в 1885 году, когда совершил короткую поездку в Крым и был в Севастополе проездом. Третий раз он побывал здесь с семьей в 1901–1902 годах, уже на склоне лет.

Сегодня на Историческом бульваре, неподалеку от панорамы, находится тот самый четвертый бастион, где из белого мрамора установлена гранитная стела с барельефом писателя.

Стоит сказать, что тема Крымской войны и обороны Севастополя на протяжении всей жизни была особенной для русского классика, хотя саму войну он отвергал: «...вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью [поэтому] <...> война есть сумасшествие, если же люди делают это сумасшествие, то они совсем неразумные создания» [16]. И все же Л. Н. Толстой искал живых свидетелей тех лет, искал отклика в обществе, единомышленников в своем кругу. И нашел. Им оказался начинающий литератор Михаил Филиппов.

«Осажденный Севастополь» М. М. Филиппова. Образ одного дня (5 октября 1854)

Будучи непосредственным свидетелем Крымской кампании, М. М. Филиппов часто встречался с Л. Н. Толстым, делился мыслями, идеями по поводу своей работы, просил совета. Тогда он трудился над историческим романом «Осажденный Севастополь» [17]. Произведение было опубликовано в Петербурге в 1888 г., однако русскому классику пришлось ознакомиться с ним уже после трагической смерти автора. Жене М. М. Филиппова он писал: «Я прочел роман вашего по-

койного мужа, “Осажденный Севастополь”, и был поражен богатством исторических подробностей. Человек, прочитавший этот роман, получит совершенно ясное и полное представление не только о севастопольской осаде, но и о всей войне и причинах ее» [17].

Стоит заметить, что работа, которой так восхищался Л. Н. Толстой, долгое время принадлежала к числу незаслуженно забытых художественных произведений. Только через 90 лет роман снова переиздали по инициативе Воениздата.

Автором создается образ Севастополя как пример того, как можно сопротивляться около года большой армии объединившихся экономически передовых государств при очень скудном снабжении, практически отсутствовавших путях сообщения, не имея достаточных запасов оружия, не будучи оснащенными техническими новшествами, и при этом одерживать настоящие победы; терпеть сокрушительные поражения – и оставаться преданными, сохранять твердость духа. Свидетельства тому – Балаклавское сражение 13 октября 1854 г., отражение штурма 18 июля 1855 г., Инкерманское сражение.

Во время написания романа писатель ставил перед собой задачу – создать произведение, рассказывающее правду эпохи. Он собирал воспоминания, записывал рассказы участников и очевидцев военных событий, изучал отечественные и иностранные опубликованные источники. М. М. Филиппову была свойственна энциклопедичность и как писателю, и как ученому. Он имел глубокие познания в области гуманитарных и естественных наук. Поэтому историчность произведения не вызывает сомнения, но и не исключает вымысла.

Описывая оборону Севастополя, писатель честно и открыто изобличает беспечность и карьеризм царедворцев и штабистов. Описывает явные промахи генералитета и высшего командования – Меншикова и Горчакова. Вместе с этим он воссоздает реальные героические портреты адмиралов П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, В. И. Истомина и полковника Э. И. Тотлебена.

Перед читателями предстает история одного дня из «Осажденного Севастополя», где волею автора переплетаются судьбы В. А. Корнилова, графа Татищева и офицера Пашутина. Все они, на первый взгляд, не имеют между собой ничего общего, но их присутствие здесь не является случайностью.

5 октября 1854 г. был по-особенному жаркий день. Противник предпринял массированную бомбардировку. Севастополь был опоясан двумя огненными линиями, канонада была в полном разгаре. Вице-адмирал В. А. Корнилов, руководивший обороной города, предполагал подобное развитие событий и поэтому был серьезнее и сосредоточеннее, чем обычно. С раннего утра он объезжал бастионы, где в перерывах между обстрелами успел написать несколько строк жене. Письмо и золотые часы для сына посчитал нужным передать курьером в Николаев, после чего отправился на Малахов курган. Прибыв на место, Корнилов поспешил в Ушакову балку, чтобы осмотреть Бутырский и Бородинский полки, но не дойдя несколько шагов до своей лошади был ранен ядром в ногу. Перед тем как потерять сознание, он произнес легендарную фразу: «Отстаивайте же Севастополь!» [17]

Образ адмирала, созданный М. М. Филипповым, имеет собирательный характер. Обладая почти классическим профилем, тонкой и стройной талией, строгим выражением лица с умным и проницательным взглядом, Корнилов владел редким умением руководить. Он был до известной степени театрален, если можно назвать этим словом умение возбуждать в других одушевление и мужество. Будучи одним из главных персонажей, адмирал предстает перед читателем как центр всех надежд: «Исторические ли условия, при которых слался характер русского человека, или критическое положение, в котором находился город, а может быть, и обе эти причины вместе подействовали так, что севастопольцам нужен был человек, которому они могли бы беспрекословно подчиняться. Корнилов был как нельзя более пригоден для этой роли» [17].

После ранения руководителя обороны ранее быстрая событийная хроника намеренно замедляется. Автор стремится передать каждое слово, эмоцию, чувство не только ведущего героя, но и его окружения – друзей, врагов. Тема смерти, близость подведения итоговой черты не повисает в пространстве, а, напротив, выполняет функцию реагента – без прикрас открывает жизненные ценности, мотивы. Находясь при смерти, Корнилов нашел в себе силы дать напутствие товарищам, а также передать благословение жене и детям: «Скажите всем: приятно умирать, когда совесть спокойна... Надо спасти Севастополь и флот!» [17] В этот день английская батарея была сбита, бомбарди-

ровка отражена. Узнав радостную новость, адмирал громко сказал: «Ура! Ура!» – и забылся. Через несколько минут его не стало. Корнилова хоронили на второй день бомбардировки: «Забыв об опасности, все шли сюда – и адмиралы, и генералы, и матросы, и солдаты. <...> На всех кораблях были скрещены реи, спущены флаги и вымпелы. Плакали не только друзья, но и многие противники Корнилова, завидовавшие ему, бранившие его за глаза» [17].

Параллельно этому трагическому происшествию в событийную канву дня писатель включает еще одного персонажа, который на момент атаки противника находится в тылу, на Николаевской батарее. Это был граф Татищев. Интересно, что автор ни разу не упоминает ни имени, ни отчества этого дворянина. Однако дает весьма подробные сведения о его происхождении, воспитании, политических взглядах и даже косвенно указывает на возраст. Примечательно и то, что в Крымской войне действительно активное участие принимал внук родоначальника графской ветви Татищевых – граф Николай Дмитриевич, которому на момент военных действий было не более двадцати четырех лет. Конечно, с полной уверенностью утверждать, что созданный автором образ соответствует реальности, мы не можем, так как это требует специального генеалогического исследования. Но почва для таких размышлений имеется.

Итак, Татищев – сын русского аристократа, от отца унаследовавший барские привычки и манеры, но внешне походивший на мать, уроженку Южной Франции. В его фигуре и лице читалось что-то слишком зрелое, сказывалась ранняя пресыщенность жизнью и насмешливое отношение ко всему окружающему. Одним словом, он обладал дерзким, противоречивым характером. Граф был одним из представителей элитной молодежи, снимал квартиру в одном из лучших севастопольских домов на Екатерининской улице, где в свободное от службы время общался с избранным обществом. Здесь веселились, изрядно выпивали и рассуждали о политике.

Легкомысленное отношение к людям, свойственное его обществу, позволяло с высокомерием относиться к одним и с почетом к другим. И тем не менее писатель не лишает своего героя наблюдательности и вкладывает в его уста речь о характерном образе жителей города-героя: «Надо отдать справедливость большинству севастопольцев, они не отворачиваются от людей, случайно попавших в беду. Здесь нет той под-

лости, как в столицах, где вчерашние знакомые не замечают вас, если вы попали в немилость не только у сильных мира сего, но и у какого-нибудь камер-лакея. Здесь люди больше искренни, и нет этой ужасной погони за карьерой, этого честолюбия, соединенного с холопством, этих европейских манер, прикрывающих азиатские вкусы» [17].

Татищев считает себя русским, но ему чужд патриотизм. Он поклонник Байрона и свободных западных течений, своеобразный космополит-либерал, хотя сам к таковым себя не относит. Он рассматривает войну как способ самоутверждения и продвижения в карьере.

День 5 октября 1854 г. казался для графа скучным, поэтому, когда выдалась возможность блеснуть храбростью, он охотно выдвинул свою кандидатуру. Необходимо было узнать об обстановке на десятой батарее и по возвращении доложить о ситуации. Многие из сослуживцев считали этот переход бессмысленной авантюрой, что еще больше подогревало самолюбие Татищева.

Надо сказать, что М. М. Филиппов, создавая образы, блестяще использует биографический метод. Он раскрывает личность широкоформатно. Показывает, что человек говорит и что думает в этот момент, какие цели преследует, какое общество предпочитает. Анализируя условия формирования характера персонажа, автор подводит читателя к ключевой проблеме – к проблеме выбора (в сознании и в действии), который вершит историю. Писатель демонстрирует мысли Татищева, переполнявшие дворянина в минуту опасности: «А вдруг какая-нибудь шальная бомба разорвется как раз над моей головой. Если погибну, смерть выйдет самая глупая: даже неизвестно, когда и где похоронят, и найдут ли части моего трупа. Напишут обо мне как о без вести пропавшем... А интересно было бы знать, как отнесутся к известию о моей смерти некоторые мои знакомые! <...> В уме графа мелькнули десятки образов. <...> Вот образ Бетси – гордая светская львица. Мысль о ней вновь уколола его самолюбие. <...> Как-то сам собою этот образ ступался и заменился другим, более близким: любящая, но уже не гордая дикарка Лёля, та самая Лёля, которая интересовала его, пока казалась недоступною, а потом опостылела, как увядший цветок, вдруг вспомнилась ему и стала мучить совесть. Умереть с подобным пятном на своей памяти показалось графу ужасным» [17]. Действительно, Татищеву было что вспомнить.

Боязнь безвестной смерти как со дна поднимала весь ил, долгие годы копившийся в сознании. Очевидно одно – больше ничто не вызывало в нем былой гордости.

Придя на батарею, граф обнаружил здесь тишину и спокойствие. Поручик Татищев подумал: «И неужели я мог погибнуть из-за такой глупости?» Автор, в свою очередь, нарочито подчеркнул: «Геройство графа оказалось истраченным совершенно даром».

Где же здесь проблема выбора, о которой так пафосно говорилось, – может спросить читатель. Но выбор действительно был. М. М. Филиппов несколько раз вкраплениями упоминает о некотором офицере ластового экипажа, который имел вид сумасшедшего, бегал по пристани со своим ребенком, желая спрятать свою маленькую дочь от бомбардировки. Граф Татищев трижды встречал взглядом сильно обеспокоенного отца и даже однажды подумал: «Предложить ли ему помощь?» Но не сделал этого и вернулся на батарею, где вызвался на мнимый подвиг. Этот день, и так богатый на многочисленные трагедии, снова закончился одной из них: «Тот самый офицер ластового экипажа окончательно потерял голову. Он схватил девочку за руку и побежал с ребенком по Екатерининской площади, стараясь прикрывать малышку собою от гудевших всюду снарядов. Вдруг бомба чудовищных размеров разорвалась над головою ребенка. Оглушенный звуком взрыва отец сначала не мог опомниться, потом взглянул – и увидел в своей руке окровавленную, оторванную детскую ручку, он поднял теплую еще ручку к небу и стал искать ключья тела малышки, но ничего не нашел, кроме окровавленного осколка бомбы. – Куда девалась моя девочка? Отдайте мне ее, я ее спрячу в пещеру. Спрячу мою малышку, укрою, защищу...» [17]

Действительно, тема защиты своего города, близких и родных людей, живущих в нем, является ключевой в художественных произведениях военных лет, и «Осажденный Севастополь» М. М. Филиппова – яркое тому подтверждение. Автор подводит читателя к тому, что история Севастополя и его образ как города-героя зависит не от внешних факторов – войны и вызванного ею кризиса. Нет, не от этих тяжелых и временных явлений. Исторический образ Севастополя слагается из людей, в нем проживающих. Из того, с достоинством или без онога они проходили тягостные испытания – смерть, лишения, голод, поражения. И какие движения происходят в сердце, когда близок финал. Спо-

койно ли – или что-то не сделано, не сказано, в суете пройдено мимо?

Интересно, что М. М. Филиппов как автор не является судьей. Он не ставит в вину графу Татищеву гибель этого ребенка. Он даже не говорит, узнал ли сам граф о случившейся трагедии. Нет, все эти образы он соединяет вкуче только для читателя. Вот она – та функция художественного образа в историческом процессе, когда главное остается в сфере невысказанного, для размышления. Именно так автор мобилизует чувства и эмоции, пробуждает их в личном опыте читателя. Поэтому любой, кто возьмет в руки «Севастопольские рассказы» или «Осажденный Севастополь», вынесет свой образ, соответствующий его личному опыту. Очевидно, что отражение действительности и способ ее передачи от образа к читателю – это и есть функция образа в читательском сознании. Несомненно, что художественный образ расширяет человеческий опыт. Он делает объемным и жизненным наше представление о людях разных эпох и социальных слоев. Художественный образ и созданный им опыт действуют как проводники нравственных проблем, глубоких эмоций, чувств. Самое главное, что этот опыт обеспечивает связь поколений, соединяет эпохи. Если всего этого не станет, исчезнет и то, что человек может дать своей эпохе. Исчезнет основа – историческое действие человека.

Таким образом, художественная литература является не только ценным историческим источником, но и своеобразным локомотивом в формировании исторических представлений. Героические персонажи, созданные в художественной литературе военных лет, продолжают жить в умах и душах жителей города-героя. На их подвигах и славе уже больше века воспитывается севастьяпольский характер. Отсюда и та поразительная сила духа, то чувство собственного достоинства и то непоказное мужество, которые передаются каждому новому поколению севастьяпольцев независимо от исторической эпохи и политического строя.

Уместно в данном контексте привести высказывание из документального фильма «Русская Троя», принадлежащее кандидату исторических наук, доценту кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в Севастополе В. В. Хапаеву: «Севастьяпольский дух поднимается в севастьяпольских детях с того момента, когда они научаются ходить, потому что очень важно, где человек учится ходить, и

где он ребенком бегаёт. Севастопольские дети бегают по старым бастионам, по руинам оборонительных батарей, среди 2034 памятников, которые находятся в Севастополе. Вот эта идеальная Россия, которая существует в книгах, песнях, сказаниях об этих севастопольских

подвигах, – это то, на чем воспитываются, на чем растут севастопольцы. Поэтому быть иными они просто не могут». Некогда созданные художественные образы Севастополя имеют силу и сегодня. Они живут и действуют в читателях, в жителях города-героя.

Библиография:

1. Альманах «Крым». Научный и общественно-политический журнал. М.: Этносоциум. 2013. № 1.
2. Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73–82.
3. Дубова Н. О. Художественная литература как источник для изучения социальной психологии // О подлинности и достоверности исторического источника на примере романа-эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Казань, 1991. С. 112–117.
4. Кунцевская Г. Н. Благословенная Таврида. Крым глазами великих русских писателей. Симферополь: Таврия, 2008. 392 с.
5. Лев Толстой об искусстве и литературе. М.: Советский писатель, 1958. Т. 2.
6. Миронец И. И. Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса) // История СССР. 1976. № 1. С. 125–141.
7. Наумова Г. Р. Мы стали тише и взрослей: о современном отношении к опыту предшественников // XVIII век в истории России. Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация / Серия «Труды Государственного исторического музея». Вып. 148. М.: ФГУК ГИМ, 2005. С. 129–136.
8. Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. М.: Художественная литература, 1977. 735 с.
9. Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М.: Наука, 1982. 321 с.
10. Отзыв и.д. доцента священника Павла Флоренского на сочинение Андреева Федора на тему «Юрий Федорович Самарин, как богослов и философ» // Богословский вестник. 1914. Т. 1. С. 195–196.
11. Памятники Героям Крымской войны. Памятник воинам четвертого бастиона, 1905 (авторы – предположительно – А. А. Кольб и О. Энберг). Памятник адмиралу П. С. Нахимову, 1898 (художник – А. А. Бильдерлинг, скульптор – И. Н. Шредер); восстановлен в 1959 (скульптор – Н. В. Томский, архитектор – А. В. Арефьев). Памятник В. А. Корнилову, 1895; восстановлен в 1983 (архитектор-художник – В. Г. Гнездилов, художник – М. К. Вронский). Памятник Э. И. Тотлебену, 1909 (художник – А. А. Бильдерлинг).
12. Тарле Е. В. Город русской славы. Севастополь в 1854–1855 гг. М.: Воениздат, 1954. 216 с.
13. Толстой Л. Н. Избранные письма. 1842–1881 // [Электронный ресурс] – URL: http://www.ereading.club/bookreader.php/97280/Tolstoy_18_Tom_18_Izbrannye_pis%27ma_1842-1881.html (дата обращения: 09.04.2015).
14. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: Художественная литература, 1937. Т. 47: Дневники и записные книжки 1854–1857. С. 28.
15. Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Севастопольские рассказы // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.library.ru/text/1161/p.1/index.html> (дата обращения: 09.04.2015).
16. Толстой Л. Н. Севастополь в мае // Севастопольские рассказы // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.library.ru/text/1161/p.1/index.html> (дата обращения: 09.04.2015).
17. Филиппов М. М. Осажденный Севастополь // [Электронный ресурс] – URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/filippov_mm/index.html (дата обращения: 09.04.2015).
18. Филиппова Е. И. Художественная литература как источник для этнографического изучения города // Советская этнография. 1986. № 3–4. С. 26–36.
19. Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1: Дюплетовская Русь. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2008. 406 с.; Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Кн. 1. От Карамзина до «карбатства» Окуджавы. М.: Языки славянской культуры, 2009. 576 с.; Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.

References (transliterated):

1. Al'manakh «Krym». Nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal. M.: Etnosotsium. 2013. № 1.
2. Gumilev L. N. Mozhet li proizvedenie izyashchnoi slovesnosti byt' istoricheskim istochnikom? // Russkaya literatura. 1972. № 1. S. 73–82.
3. Dubova N. O. Khudozhestvennaya literatura kak istochnik dlya izucheniya sotsial'noi psikhologii // O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika na primere romana-epopei M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina». Kazan', 1991. S. 112–117.
4. Kuntsevskaya G. N. Blagoslovennaya Tavrida. Krym glazami velikikh russkikh pisatelei. Simferopol': Tavriya, 2008. 392 s.
5. Lev Tolstoy ob iskusstve i literature. M.: Sovetskii pisatel', 1958. T. 2.
6. Mironets I. I. Khudozhestvennaya literatura kak istoricheskii istochnik (k istoriografii voprosa) // Istoriya SSSR. 1976. № 1. S. 125–141.
7. Naumova G. R. My stali tische i vzroslei: o sovremennom otnoshenii k opytu predshestvennikov // XVIII vek v istorii Rossii. Sovremennye kontseptsii istorii Rossii XVIII veka i ikh muzeinaya interpretatsiya / Seriya «Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya». Вып. 148. М.: FGUK GIM, 2005. S. 129–136.

8. Nechkina M. V. A. S. Griboedov i dekabristy. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. 735 s.
9. Nechkina M. V. Funktsiya khudozhestvennogo obraza v istoricheskom protsesse. M.: Nauka, 1982. 321 s.
10. Otzyv i.d. dotsenta svyashchennika Pavla Florenskogo na sochinenie Andreeva Fedora na temu «Yurii Fedorovich Samarin, kak bogoslov i filosof» // Bogoslovskii vestnik. 1914. T. 1. S. 195–196.
11. Pamyatniki Geroyam Krymskoi voiny. Pamyatnik voenam chetvertogo bastiona, 1905 (avtory – predpolozhitel'no – A. A. Kol'b i O. Enberg). Pamyatnik admiralu P. S. Nakhimovu, 1898 (khudozhnik – A. A. Bil'derling, skul'ptor – I. N. Shreder); vosstanovlen v 1959 (skul'ptor – N. V. Tomskii, arkhitekto – A. V. Aref'ev). Pamyatnik V. A. Kornilovu, 1895; vosstanovlen v 1983 (arkhitekto-khudozhnik – V. G. Gnezdilov, khudozhnik – M. K. Vronskii). Pamyatnik E. I. Totlebenu, 1909 (khudozhnik – A. A. Bil'derling).
12. Tarle E. V. Gorod russkoi slavy. Sevastopol' v 1854–1855 gg. M.: Voenizdat, 1954. 216 s.
13. Tolstoi L. N. Izbrannye pis'ma. 1842–1881 // [Elektronnyi resurs] – URL: http://www.ereading.club/bookreader.php/97280/Tolstoi_18_Tom_18_Izbrannye_pis%27ma_1842-1881.html (data obrashcheniya: 09.04.2015).
14. Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochinenii: V 90 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1937. T. 47: Dnevnik i zapisnye knizhki 1854–1857. S. 28.
15. Tolstoi L. N. Sevastopol' v dekabre mesyatse // Sevastopol'skie rasskazy // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.ilibrary.ru/text/1161/p.1/index.html> (data obrashcheniya: 09.04.2015).
16. Tolstoi L. N. Sevastopol' v mae // Sevastopol'skie rasskazy // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.ilibrary.ru/text/1161/p.1/index.html> (data obrashcheniya: 09.04.2015).
17. Filippov M. M. Osazhdennyi Sevastopol' // [Elektronnyi resurs] – URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/filippov_mm/index.html (data obrashcheniya: 09.04.2015).
18. Filippova E. I. Khudozhestvennaya literatura kak istochnik dlya etnograficheskogo izucheniya goroda // Sovetskaya etnografiya. 1986. № 3–4. S. 26–36.
19. Shmidt S. O. Pamyatniki pis'mennosti v kul'ture poznaniya istorii Rossii. T. 1: Dopetrovskaya Rus'. Kn. 2. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. 406 s.; Pamyatniki pis'mennosti v kul'ture poznaniya istorii Rossii. T. 2. Kn. 1. Ot Karamzina do «arbatstva» Okudzhavy. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2009. 576 s.; Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii. M.: RGGU, 1997. 612 s.